

Е.Н.Трубецкой

**Социальная утопия
Платона**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Т11

Т11 **Трубецкой Е.Н.**
Социальная утопия Платона / Е.Н.Трубецкой – М.: Книга по Требованию,
2013. – 118 с.

ISBN 978-5-458-05673-1

Е. Н. Трубецкой посвящает свою работу философу В. С. Соловьеву, в творчестве которого Платон сыграл значительную роль: их объединяло страстное желание создать проект идеального государства и воплотить его при своей жизни; они верили в здравый смысл современников, которые, убедившись в разумности проекта, добровольно возьмутся за его осуществление. В центре внимания Трубецкого – личность Платона и, прежде всего, социальная утопия как менее исследованная и оцененная Соловьевым, однако лучше всего объясняющая жизненную драму русской интеллигенции, с ее бесплодными попытками установления «царства правды», истинного строя. Так как попытки переустроить Россию, да и весь мир, не прекращаются и сегодня, то и современному поколению интеллектуалов будет полезным перечитать этот труд философа.

ISBN 978-5-458-05673-1

© Издание на русском языке, оформление

«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,

«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, кляксы, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Настоящее изслѣдованіе само собою связывается для меня съ памятю о дорогомъ усопшемъ.

Въ послѣдніе годы своей жизни В. С. Соловьевъ былъ занятъ русскимъ переводомъ Платона, который, къ сожалѣнію, остался неоконченнымъ. Этотъ переводъ, по его собственному признанію, не былъ для него дѣломъ случайнымъ или побочнымъ.

«Съ наростаніемъ жизненного опыта», говоритъ онъ, «безъ всякой перемѣны въ существѣ моихъ убѣжденій, я все болѣе и болѣе сталъ сомнѣваться въ исполнимости и полезности тѣхъ вѣнчанихъ замысловъ, которымъ были посвящены такъ называемые мои «лучшіе годы». Разочароваться въ этомъ—значило вернуться къ философскимъ занятіямъ, которые за это время оставались для меня на заднемъ планѣ». (Предисловіе къ I т. Платона).

Соловьевъ мечталъ объ осуществленіи «божескаго царства» на землѣ; онъ наткнулся на ту же грань между двумя мірами, о которую, за двадцать два съ половиной столѣтія раньше, разбились условія Платона, преслѣдовавшаго ту же задачу. Этимъ обусловилась для него та потребность въ новомъ теоретическомъ углубленіи, которая связалась съ задуманнымъ имъ переводомъ трудовъ Платона.

Послѣ кончины Соловьева уже не одиночкѣ мыслитель, а все русское общество было охвачено благодорднымъ порывомъ — осуществить на землѣ царство правды. Наши усилия разбились о невидимыя препятствія. И послѣ пережитаго крушенія въ душѣ зарождается непреодолимая потребность—осмыслить нашъ историческій путь, подняться вмѣстѣ съ Соловьевымъ и Платономъ въ горнью сферу «вѣчныхъ формъ истиннаго и прекраснаго, туда, гдѣ передъ духовнымъ взоромъ снимается грань между двумя мірами, гдѣ умозрѣніе предвосхищаетъ—сущій идеалъ долженствующаго, достойнаго быть». Тамъ мы найдемъ бодрость и силу —продолжать нашъ жизненный путь.

Сказаннаго достаточно для оправданія моей темы и моего посвященія. Изо всѣхъ продуктовъ творчества Платона я останавливаюсь на его соціальной утопії. Я дѣлаю это во-первыхъ потому, что именно она осталась всего менѣе изслѣдованною и оцѣненною моимъ русскимъ предшественникомъ. Во-вторыхъ, именно она всего лучше объясняетъ намъ какъ его, такъ и нашу жизненную драму.

Соціальна утопія Платона.

Въ знаменитомъ діалогѣ „Пиръ“ Платона, одинъ изъ со-бесѣдниковъ—Алківіадъ яркими штрихами описываетъ двой-ственное впечатлѣніе, производимое обликомъ Сократа.

Онъ чрезвычайно похожъ на тѣхъ Силеновъ, коихъ скульпторы изображаютъ съ флейтой или дудкой пастуха въ рукахъ. Если разсѣчь пополамъ эту статуетку, окажется, что она содержитъ въ себѣ образы боговъ. Съ виду Со-кратъ представляется ничего не знающимъ и не понимаю-щимъ. Когда же раскрывается его внутренній міръ, онъ ока-зывается преисполненнымъ чудными образами. Я не знаю, говоритъ Алківіадъ, видалъ ли кто когда-нибудь эти образы. „Мыѣ удалось увидѣть ихъ однажды: они показались мнѣ до того божественными, драгоцѣнными, прекрасными и див-ными, что я безъ колебанія рѣшилъ дѣлать все, что прика-жетъ Сократъ“. Такое же точно силенообразное впечатлѣніе производятъ и бесѣды философа: „съ первого взгляда онѣ кажутся смѣшными: слова и рѣчи своею внѣшностью напоминаютъ дразнящаго сатира“. Онъ говоритъ о самыхъ обыденныхъ предметахъ—вьючныхъ ослахъ, кузнецахъ, са-пожникахъ и какъ будто повторяетъ въ тѣхъ же выраже-ніяхъ одно и то же. Поверхностному или непосвященному слушателю все это можетъ показаться смѣшнымъ и жал-кимъ. Если же вникнуть въ смыслъ тѣхъ рѣчей, окажется, что изъ всего сказанного людьми онѣ однѣ преисполнены глубокаго и божественного смысла¹⁾.

1) Convivium, 215, 216, 221, 222.

Весьма близкое къ этому впечатлѣніе производитъ на насъ, людей XX вѣка, ученіе самого Платона, въ особенности его знаменитый діалогъ—„Политія“ (о государственномъ устройствѣ.) Здѣсь также есть что-то такое, что отталкиваетъ, и что-то другое, что неудержимо влечетъ къ себѣ. Передъ нами проходятъ наскучившіе еще со школьнай скамьи, чуждые намъ образы классической древности. Мы слышимъ пространныя разсужденія о порядкахъ и непорядкахъ греческаго государства-города, о его образахъ правленія и борьбѣ партій, о гимнастическихъ упражненіяхъ обнаженныхъ юношей на площадяхъ и о наилучшемъ музыкальномъ образованіи гражданина-воина. Наконецъ, мы знакомимся съ соціальной утопіей самого Платона, съ этой неудачной попыткой построить наилучшее общежитіе изъ явно негодного греческаго материала.

Казалось бы, какой интересъ все это можетъ представлять для насъ? Между тѣмъ, если мы ножемъ анализа разсѣчемъ эту античную форму, мы увидимъ, что она полна божественныхъ образовъ. За этой чуждой намъ оболочкою греческаго государства - города мы откроемъ тотъ общечеловѣческій, всемирно-исторический смыслъ, который высоко подниметъ насъ не только надъ обыденностью древности, но и надъ нашей современной дѣйствительностью.

Платонъ искалъ тотъ смыслъ человѣческой жизни, ту конечную ея цѣль, которая всегда и вездѣ одна и та же. Ему удалось возвыситься надъ временемъ, приподнять ту завѣсу, которая заслоняетъ отъ насъ вѣчность. Вотъ почему его окрыленное слово получило способность перелетать въ отдаленные эпохи; вотъ почему и теперь на разстояніи вѣковъ его мысль продолжаетъ волновать и захватывать насъ, какъ родная намъ, близкая.

Отвѣтивъ на вопросъ о смыслѣ жизни, Платонъ не могъ не попытаться воплотить этотъ смыслъ въ современности ему дѣйствительности. Найдя безусловную, высшую цѣнность, онъ совершенно послѣдовательно захотѣлъ подчинить ей всѣ человѣческія цѣнности. Отсюда — его соціальная уто-

пія, его попытка коренного преобразованія человѣческаго общежитія. Онъ понялъ, что въ частности цѣнность государства заключается въ служеніи той цѣли, ради которой вообще стоитъ жить. Ему открылось, что правда должна быть одна и также какъ въ личной, такъ и въ общественной жизни человѣка. Но задача преобразованія всей человѣческой жизни оказалась ему не по силамъ. Онъ попытался влить вино новое въ мѣхи ветхіе, вмѣстить безусловную правду въ узкія национальныя рамки греческаго государства, которыхъ не могли ее въ себѣ вмѣстить. Отсюда тотъ временный, исторический наростъ, который дѣлаетъ утопію Платона намъ чуждою, мало понятною.

Въ послѣдующемъ изложеніи мы попытаемся отдѣлить общечеловѣческое зерно соціального идеала Платона отъ его исторической скорлупы, провести грань между тѣмъ внутреннимъ его содержаніемъ, которое влечетъ къ себѣ, и той внешностью, которая отталкиваетъ. Для этого намъ нужно прежде всего проникнуть въ учение философа о смыслѣ жизни.

I.

Смыслъ жизни.

Этотъ смыслъ заключается въ осуществленіи божескаго начала въ человѣкѣ, въ достижениіи человѣкомъ той прекрасной, благой, нетлѣнной формы существованія, надъ которой не властны смерть и время. Безсмертіе, какъувѣковѣченіе человѣка въ Богѣ, вотъ та конечная цѣль и великая надежда, ради которой надлежитъ дѣлать все то, что мы дѣлаемъ. Она составляетъ необходимое, неустрашимое предположеніе всей нашей жизни. Посмотримъ, какъ философъ обосновываетъ этотъ тезисъ.

Комментаторами и историками Платона уже давно отмѣчено¹⁾, что всѣ доказательства безсмертія души у него сводятся въ сущности къ одному. Душа по самому своему

1) См. напр. Zell.r, Die Philosophie d. Griechen B. II, 1 Abth, 697 (2 Aufl.).

существу и понятию неразрывно связана съ идеей жизни, неотдѣлма отъ нея. Она есть то, что одухотворяетъ, со-дѣлываетъ живымъ самое тѣло: иначе говоря, она — начало жизни: ясно, что она не можетъ умереть. По самой своей природѣ она такъ же несовмѣстима со смертью, какъ и идея жизни¹⁾.

Повидимому, мы имѣемъ тутъ заключеніе отъ присущей душѣ идеи бессмертія къ дѣйствительному бессмертію,—то самое онтологическое доказательство, несостоятельность коего теперь общепризнана. Однако, на самомъ дѣлѣ, разсужденіе Платона заключаетъ въ себѣ болѣе глубокій смыслъ. Бессмертие составляетъ необходимый метафизический постулатъ всей нашей жизни какъ духовной, такъ и тѣлесной: это—то, чѣмъ мы живемъ и движемся.

Отъ Платона не укрылся тотъ фактъ, что жизненный процессъ слагается изъ безпрестанно смѣняющихся другъ друга актовъ смерти и рожденія: это то самое, что на современномъ языкѣ называется смѣною траты и возобновленія. „Смертное существо сохраняетъ свое существованіе не тѣмъ, что оно пребываетъ въ неизмѣнномъ состояніи подобно божествамъ, а тѣмъ, что старѣюще, исчезающее оставляетъ по себѣ другое, юное и подобное себѣ“. „Смертная природа стремится пребывать вѣчно и быть, насколько возможно, бессмертною. Но это доступно ей лишь черезъ актъ рожденія, потому что этотъ актъ всегда вызываетъ къ жизни нечто молодое на мѣсто старого“.

Этотъ процессъ наблюдается въ жизни каждого живущаго индивида. О живомъ существѣ мы говоримъ, что, пока оно живетъ, оно отъ младенчества и до старости остается однимъ и тѣмъ же. Между тѣмъ, весь составъ его тѣла безпрерывно мѣняется: волосы, кровь, плоть и кости, все это исчезаетъ и восстанавливается. То же и въ духовной жизни человѣка: наши нравы, мнѣнія, желанія, радости,

¹⁾ Phaedo, 105.

скорби и страхов,—все это никогда не остается тѣмъ же: одно нарождается, другое отмираетъ прочно¹⁾.

Сущность жизни выражается въ стремлениі каждого животного существа сохранить отъ смерти себя и свой типъ, — *въ исканіи бессмертія*. Нигдѣ это не сказывается такъ наглядно, какъ въ любви, въ томъ эросѣ, коего элементарное проявленіе есть половое влеченіе: здѣсь земное существованіе достигаетъ высшаго своего расцвѣта. Чтобы увѣковѣчить свой типъ, человѣкъ, какъ и всякое живое существо, долженъ рождать другихъ. Но для этого нужно взаимное восполненіе двухъ половинъ человѣческаго рода. „Совокупленіе мужчины и женщины есть актъ рожденія. Это—божественный актъ: зачатіе и рожденіе — осуществленіе бессмертія въ смертномъ существѣ“²⁾, пріобщеніе міра тѣлеснаго, смертнаго къ бессмертію.

Отсюда— безграницная власть эроса надъ міромъ животнымъ. Все, что ходитъ по землѣ и летаетъ надъ нею, испытываетъ страшную силу влеченія, болѣеть любовною страстью; животные неудержимо стремятся къ совокупленію другъ съ другомъ; потомъ та же страсть переносится на ихъ порожденія: ради дѣтей слабѣйшія твари всегда готовы сражаться съ сильнѣйшими, не боятся смерти, голодаютъ, лишь бы имъ выкормить потомство³⁾). Неудивительно, что все живое почитаетъ и цѣнитъ свои порожденія: бессмертія ради все это стремленіе и эросъ⁴⁾.

Въ мірѣ человѣческомъ проявленія эроса сложнѣе и разнообразнѣе. Человѣкъ стремится не только къ тѣлесному, но и къ духовному рожденію⁵⁾). Въ основѣ того и другого стремленія—одинъ и тотъ же эротическій корень, одно и то же влеченіе къ бессмертію. Оно сказывается не только въ человѣческихъ чувствахъ и страстиахъ, но и въ самыхъ

1) Convivium, 207, 208.

2) Ibid., 206.

3) Ibid., 207.

4) Ibid., 208.

5) Ibid., 206.

извращеніяхъ послѣднихъ. Намъ можетъ показаться безумною, напримѣръ, власть честолюбія надъ людьми, если мы не примемъ во вниманіе, съ какой силой они жаждутъ пріобрѣсти извѣстность, стяжать себѣ на вѣчныя времена *безсмертную славу*: ради этого они готовы подвергаться всякой опасности, тратить деньги, нести труды и умирать, еще болѣе, нежели ради дѣтей. Изъ того же источника проходитъ героизмъ, мужество. Не захотѣлъ бы Алкестъ умирать за Адмета, Ахиллъ—погибнуть, мстя за Патрокла, и Кодръ—принять смерть ради Аѳинянъ, если бы они не думали, что этотъ подвигъувѣнчается *вѣчною памятью всѣхъ потомствъ*. Чѣмъ лучше люди, тѣмъ больше они совершаютъ подвиговъ, ибо любятъ *бессмертіе*¹⁾.

Тѣ, въ комъ преобладаетъ страсть къ тѣлесному рожденію, влекомы къ женщинамъ: они ищутъ бессмертія въ дѣторожденіи, въ томъ счастьи и памяти, которую они думаютъ этимъ стяжать себѣ на будущія времена. Тѣ же, кого влечетъ къ рождению духовному, стремятся увѣковѣчить себя въ томъ, что подобаетъ рождать душу. Эти порождения, соотвѣтствующія достоинству духа, суть мудрость и прочие виды добродѣтели. Родители этихъ духовныхъ дѣтей—поэты и художники, изобрѣтатели, устроители государствъ и провозвѣстники правды на землѣ: „Божыи люди“, они отъ юныхъ лѣтъ чреваты мудростью: по достижениіи зрѣлаго возраста, они ишутъ прекраснаго, чтобы въ немъ рождать и творить: ибо творить въ безобразномъ для нихъ невозможно“.

Они испытываютъ влеченіе къ прекраснымъ тѣламъ и къ прекраснымъ душамъ. И, когда они находятъ предметъ своего исканія—людей, сочетающихъ въ себѣ ту и другую красоту, благородство, природные дары,—та мудрость, которой они чреваты, рождается вони, изливается въ рѣчахъ о доблести, о достойномъ доброго мужа образѣ жизни. Находя сродныя имъ прекрасныя души, такие люди рождаютъ

1) Ibid., 208.

въ нихъ прекрасное и прилѣпляются къ нимъ сильнѣе, крѣпче, нежели мужья къ женамъ: ибо они вмѣстѣ рождаютъ неумирающихъ дѣтей. И всякий долженъ былъ бы предпочитать имѣть такихъ дѣтей, нежели человѣчески рожденныхъ. Плотскіе родители забываются. Слава же великихъ поэтовъ и законодателей, творцовъ безсмертныхъ созданій, пребываетъ во вѣкѣ: ради этихъ дѣтей имъ воздвигаютъ храмы, ради плотскихъ же никогда и никому¹⁾.

Въ своемъ исканіи бессмертія люди не всегда находятъ то, что служить предметомъ ихъ исканія. Отсюда—извращеніе чувства любви, обращеніе его къ недостойнымъ предметамъ. Есть двѣ Афродиты: одна—дочь неба—Урана, которая поэтому называется *небесною*: другая же—дочь Зевеса и Дионы—именуется *вульгарною* (*πάυληρνος*). Соответственно этимъ двумъ богинямъ любви есть два эроса — небесный и вульгарный. Люди, одержимые вульгарною любовью, любятъ тѣло болѣе, нежели душу и стремятся единственно къ удовлетворенію своей похоти. Напротивъ, любящіе любовью небесною, стремятся завязать прочную, духовную связь съ любимымъ предметомъ²⁾.

При различіи предметовъ любви и ея направленія, ея психической корень—всегда одинъ и тотъ же. Всѣ люди ищутъ и любятъ красоту и благо; поэтому эросъ можетъ быть опредѣленъ, какъ любовь къ красотѣ³⁾ или, что то же, какъ любовь къ благу⁴⁾. Но большинство заблуждается въ своемъ исканіи, прилѣпляясь къ подобію прекраснаго вмѣсто самого прекраснаго⁵⁾, находя подобіе *добра* вмѣсто самого добра.

Смысль любви, какъ и всего жизненнаго процесса — не въ томъ, что она находитъ, а въ томъ, что она ищетъ, въ самомъ предметѣ ея исканія. Цѣль любви (*τέλος τῶν ερωτικῶν*) — то, что воистину даетъ бессмертие. Этой цѣлью, къ которой

1) Convivium, 209.

2) Ibid., 180, 181.

3) Ibid., 201.

4) Ibid., 205—206.

5) Ibid., 212.

направлены всѣ наши усилия, можетъ быть не какое-либо преходящее явленіе, а только вѣчно сущее, то, что не рождается и не умираетъ, не растетъ и не уменьшается. Это—не то, что въ одномъ отношеніи и въ опредѣленное время прекрасно, а съ другой стороны и въ другой монентъ — постыдно, хорошо для одного здѣсь, а дурно для другого тамъ¹⁾). Выражаясь современнымъ языкомъ, цѣль любви по Платону — безотносительно прекрасное и безотносительно доброе. Это безусловно прекрасное не можетъ быть изображено, какъ какой-либо предметъ, напримѣръ лицо, руки или что-либо причастное тѣлу, ни какъ рѣчь, ни какъ знаніе, ни какъ опредѣленіе или свойство предмета, напримѣръ животнаго, земли, неба или чего-либо другого. Оно существуетъ само въ себѣ и чрезъ себя, всегда въ томъ же видѣ (*μονοειδὲς ἀεὶ δύ*). Все же прочее прекрасно лишь по пріобщенію къ этому первоисточнику красоты: такъ что другие прекрасные предметы возникаютъ и уничтожаются, этотъ же не возрастаетъ, не уменьшается и не подверженъ никакимъ аффектамъ²⁾.

Во всѣхъ прекрасныхъ предметахъ проявляется единая красота, одна и та же сущность прекраснаго. Поэтому было бы безуміемъ прилѣпляться къ отдѣльнымъ ея проявленіямъ. Истинный путь любви заключается въ восхожденіи изъ ступени въ ступень, въ постепенномъ обобщеніи самаго предмета любви. Сначала мы любимъ отдѣльное прекрасное тѣло; потомъ, постигая сродство красоты всѣхъ тѣлъ, начинаемъ любить всѣ прекрасныя формы; затѣмъ, мы научаемся выше цѣнить духовную красоту и, наконецъ, прилѣпляемъ сердцемъ къ той единой, безотносительной красотѣ, которая проявляется во всемъ—и въ мірѣ духовномъ, и въ мірѣ тѣлесномъ. Это—то, что дѣлаетъ жизнь цѣнною, то самое, ради чего стоитъ жить. Эросъ достигаетъ вершины въ созерцаніи красоты чистой, безпримѣсной, не загрязнен-

¹⁾ Ibid., 211.

²⁾ Ibid., 211.